

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 82-92
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.82

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of Land Ownership among Kazakhs Nomads in the 18th – first half of the 19th centuries and its Reflection in the Legislation of the Russian Empire

Saken Z. Razdykov^{a,*}, Baurzhan N. Abdrakhmanov^b, Anara E. Karimova^b, Gulmira E. Otepova^b

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

^b Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Abstract

In this article the authors explore the origins, reasons and determine the chronological framework of the emergence of private ownership of pastures among the nomadic Kazakhs. Having studied archival sources, the Complete Collection of Laws of the Russian Empire, testimonies of contemporaries and research of scientists, the authors conclude that these processes refer to the end of the 18th – beginning of the 19th centuries.

The issues of land use and land ownership among the Kazakhs who were engaged in nomadic cattle-breeding were and remain topical, since this problem is caused by the special role of land in nomadic society. Despite the polemics which have started in the 30's of the last century, up to the middle 50's of the XX century there was no unified opinion among scientists on the question of the nature, forms and the right of feudal property in Kazakhstan. The Soviet historiography was dominated by two opposite opinions: the first – since the times of the Karakhanid state (XI century) in Kazakhstan existed the right of feudal land ownership (S.V. Yushkov, S.Z. Zimanov, A.E. Erenov and others). The second point of view – in conditions of nomadic cattle breeding the basic means of manufacture was and remained the cattle, instead of land..., not possession of the land, but possession of cattle was a defining factor of exploitation (V.F. Shakhmatov, S.E. Tolybekov and others). One or the other position dominated at different periods in history, but scientists did not come to a consensus and the question remained unresolved in the historical literature.

Communal land use existed in Russia until the beginning of capitalism, but this does not mean that there was no private land ownership. In some Asian countries, communal land tenure coexisted in parallel with state ownership. There is no doubt that in the Steppe the main form of land use was communal land use (aul or clan), but the presence of communal land use does not negate the existence of private feudal property.

Keywords: Steppe, Kazakhs, nomads, nomadic way of life, parcel economy, land use, land tenure, private land ownership, feudalism, ownership of wells, permanent dwellings.

1. Введение

Исследование практики развития земледелия и землепользования у казахов в XVIII – первой половине XIX в. требует обращения к его историческому наследию. В экономическом отношении кочевые районы никогда не были самодостаточны, вследствие чего были плотно завязаны с оседло-земледельческими районами. Бичурин нашел сведения о тесных контактах кочевого скотоводства и земледелия в древнекитайских хрониках и летописях (Бичурин, 1953). «Элементы оседлости и земледелия, – писал С.П. Толстов, – всегда сопровождают кочевое скотоводческое хозяйство» (Толстов, 1934: 171). Взаимосвязь кочевничества и оседлости в разных регионах доказана в ходе

* Corresponding author

E-mail addresses: rasdikov@mail.ru (S.Z. Razdykov), abdrakhmanov_bayr@mail.ru (B.N. Abdrakhmanov), ake073@mail.ru (A.E. Karimova), g.oteпова.hist@mail.ru (G.E. Otepova)

археологических открытий А.Н. Бернштамом, С.П. Толстовым, А.Х. Маргуланом (Маргулан, 1950), подтверждена исследованиями современных археологов и этнографов.

Но изучение землевладения, появления частной собственности на землю при сохранении кочевого образа жизни как основного средства производства до сегодняшнего дня является научной проблемой, требующей своего разрешения.

2. Материалы и методы

Следуя логике нашего исследования можно выделить три группы источников: архивные, сборники опубликованных документов и источники личного происхождения.

1. Архивные материалы представлены документами Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Омской области (Омск, Российская Федерация), Центра хранения архивного фонда Алтайского края (Барнаул, Российская Федерация). Казахстанские архивы представлены материалами Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Казахстан).

2. Сборники опубликованных документов представлены «Материалами по казахскому обычному праву» (Материалы по казахскому обычному праву, 1948), статьями из «Полного собрания законов Российской Империи» (ПСЗ РИ), «Сборника узаконений о киргизах степных областей», составленного старшим советником Тургайского областного правления И.И. Крафтом (Крафт, 1898), изданного в конце XIX в., сборником законов и распоряжений «Переселение и землеустройство в Азиатской России», составленным В.П. Воцининым (Переселение и землеустройство, 1915); а также «Материалами по киргизскому землепользованию» (МКЗ), собранными в ходе экспедиций 80–90-х гг. XIX в.

3. К источникам личного происхождения относятся воспоминания, дневники, отчеты чиновников, путешественников и труды исследователей казахского традиционного общества XIX – начала XX вв. Среди них можно назвать работы «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.» (Путешествие через Сибирь, 1882), А.И. Левшина «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей», являющуюся энциклопедическим собранием сведений по истории и этнографии казахского народа (Левшин, 1832), Л.Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства» (Мейер, 1865), А.А. Кауфмана «Отчет старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации» (Кауфман, 1897), П. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», Л. Чермака «Формы киргизского землепользования» (Чермак, 1908). Среди этих работ можно выделить и труды казахских исследователей Ч.Ч. Валиханова «Аблай» (Валиханов, 1904), А. Букейханова «Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи» (Букейханов, 1903).

Методологической базой исследования послужили современные концепции и подходы к изучению кочевой культуры, которые предполагают отказ от господствовавших ранее постулатов и отношение кномадам как к равным в своем развитии, признание их прав на собственное целеполагание и контроль за своей эволюцией. Методы исследования: историко-этнографический, с помощью которого мы попытались воссоздать ретроспективную реконструкцию развития кочевого землепользования; тенденции развития собственности у кочевников позволил определить сравнительно-исторический метод; историко-ареальный – вывел нас на внутри- и межрегиональные явления, помог установить степень их интенсивности.

3. Обсуждение

Проблема возникновения собственности и ее разновидностей в кочевых обществах является до сих пор не решенной. Зарубежные аналитики, сравнивая кочевников Африки нового и новейшего периодов с оседлыми обществами, считали, что у них (кочевников) частная собственность является значительно менее полной и развитой, чем у оседлого населения (Dahl, Hjort, 1979). Но в то же время исследователи отмечают, что большинству кочевых обществ была присуща общинная собственность на пастбища, для которой характерно большее разнообразие, чем частносемейная либо частноиндивидуальная собственность на скот. В качестве примера они приводят номадов Восточной Африки (Culliver, 1955; Spencer, 1965; Dyson-Hudson, 1969), некоторые кочевые общества Судана (Cunnison, 1966; Asad, 1970), Сомали (Lewis, 1955: 331-332) или аль мурра (Cole, 1975). Это и понятно, так как исследователи считали основным средством производства скот, а земля рассматривалась как средство для содержания скота.

В XVIII в. кочевые казахи продолжают кочевать аулами по стабильным маршрутам, имея постоянные зимовки. Характерной особенностью аульной общины казахов была дуалистичность родовой (общинной) и частной собственности на средства производства. Производство было индивидуальным. Каждый самостоятельно обеспечивал свое существование. Главным распорядителем земель был хан, но распоряжались ею представители феодальной верхушки. Так, П. Рычков в своей «Топографии Оренбургской губернии», изданной в 1762 г., писал: «Что до Средней орды принадлежит, то она всегда особливых своих владельцев имела» (Рычков, 1762: 106). Под

«особливыми владельцами» П. Рычков, возможно, имел в виду султанов, управлявших этими землями и фактически являвшихся их собственниками. Каждый из влиятельных султанов имел свои зимовки, летовки, и большая часть этих угодий носила личные имена владельцев.

Относительно казахского землепользования XIX – начала XX вв. российские авторы опирались на точку зрения А. Левшина, утверждавшего, что казахи, занимавшиеся кочевым скотоводством, перекочевывая на длительные расстояния, не могут иметь постоянных жилищ и владеть землями (Левшин, 1832: 15). Большинство дореволюционных исследователей казахского общества в лице Т. Седельникова, А. Кауфмана, В. Остафьева, П. Хворостанского и др. придерживались концепции А. Левшина (Седельников, 1907).

К середине XX в. ученые выявили противоречия в понятиях «земельная собственность» и «землепользование» у кочевых народов. В 1954 г. в Ташкенте была проведена специальная научная сессия, на которой одним из основных вопросов было рассмотрение проблемы экономических основ кочевых обществ. По результатам научной дискуссии была принята резолюция сессии, где большинство ученых поддержали доктрину о существовании в кочевом казахском обществе феодализма, основой которого является частная собственность на землю (Материалы, 1955: 590).

Но в работах последующих советских авторов возобладал общий постулат об отсутствии земельной собственности. В основе такой точки зрения лежала аксиома ученых, утверждавших, что в условиях кочевого скотоводства пастбища находились в собственности рода. Ключевым становится положение о том, что кочевое скотоводство может сохраняться только при наличии больших «необитаемых пространств», используемых общинами для сезонных перекочевок (Шахматов, 1964; Марков, 1976; Толыбеков, 1971; Першиц, 1976). И данный постулат стал господствующим в исторической науке. Хотя еще в середине прошлого столетия С. Зиманов писал, что «методологически неправильно искусственное расчленение единого объекта отношений производства на две произвольно оторванные части – на скот и на пастбище» (Материалы, 1955: 133).

Что же касается современных российских и казахстанских этнографов, то в силу объективных и субъективных причин они практически не занимались вопросами земельной собственности и землевладения в кочевом обществе. Можно отметить, что проблемы нomaдизма продолжены в работах А.М. Хазанова, Ж.О. Артыкбаева и др., но освещаемые в данной статье проблемы исследователями глубоко не затронуты (Хазанов, 2000). В данном направлении интересные находки найдены казахстанскими археологами (Бейсенов, 2020; Koshman, 2020), но они еще не получили достойной интерпретации.

XXI век отмечен тем, что сегодня прошлое не является отдаленными от нас анналами. Древность становится активным, полноправным участником культурных и политических процессов современного общества, и проведение интегральных исследований истории, культуры, этнологии кочевых обществ приводит к формированию метапредметных навыков. Наступило время, когда нomaдология (кочевниковедение) должна объективно рассматривать все стороны хозяйственно-культурной системы казахов, систему землепользования, землевладения, земельной собственности.

4. Результаты

Изучение казахско-русских хозяйственных и других контактов не может проводиться вне контекста истории хозяйственно-культурных систем внутренней Евразии. Здесь параллельно развивались кочевническо-скотоводческие и оседло-земледельческие хозяйственно-культурные комплексы, внутри которых присутствовало множество подтипов и локальных вариантов. Появление кочевого скотоводства было прогрессивным явлением, которое привело к росту производительности труда на ранних ступенях развития человеческого общества, позволило человеку покорить новые пространства для обитания и хозяйственной деятельности.

Хозяйственные комплексы евразийской степи (скотоводческие и земледельческие) порой не совпадают с природными или политическими границами. Мы можем отмечать лишь свойство повышенной адаптивности кочевников-скотоводов, на которую оказывали воздействие экономические потребности, социальные аспекты, политические устремления представителей отдельных слоев и групп. Результатом влияния внешнего мира становится относительно быстрая модификация либо трансформация хозяйства. И, как подчеркивает один из классиков кочевничества, «этот внешний мир по отношению к кочевому обществу проявляется не просто созерцательной средой, а активной силой взаимодействия» (Хазанов, 2000: 323).

Для казахов, кочевавших на территории Степи, такой активной силой взаимодействия явилась Российская империя, приступившая к освоению Сибири, построившая к исследуемому периоду города и заинтересованная в укреплении и расширении торговых связей с Казахской степью. Уже в XVII в. русские торговые люди на стругах поднимались вверх по Иртышу за солью до Ямышевского озера, торговали на ярмарках. Так, посланник России в Китай Н.Г. Спафарий в 1675 г. пишет о Ямышевской ярмарке, на которую «приходят многие тысячи людей, калмыки (джунгары – Авт.) и бухарцы и татары торгуют с русскими людьми» (Путешествие через Сибирь, 1882: 43).

Укрепляются и политические связи. С XVII в. казахские ханы обратили более пристальное внимание на могущественного соседа – Российскую империю. Прагматичность ханов, вызванная

экономическими потребностями и давлением со стороны Джунгарии, склонила отдельных казахских правителей в XVIII в. принять подданство России.

В 50-е гг. XVIII в., после разгрома ее Цинской империей, Джунгария прекратила свое существование. Ш. Валиханов дал весьма точную формулировку случившимся событиям: «падение сильной Джунгарии навели на всю Азию панический ужас» (Валиханов, 1904: 114). И появление вместо Джунгарии Китая как еще более мощного конкурента в межгосударственном соперничестве за сферы влияния в Казахской степи сильно встревожило российских чиновников. Единственной кочевой цивилизацией в Центральной Азии остался казахский этнос. Государственные мужи пришли к единому мнению о необходимости форсировать свою наступательную политику в Центральной Азии. С этой целью стали укрепляться военные линии, строились крепости. Только на территории Западно-Сибирского генерал-губернаторства протяженность укрепленной линии составляла почти 2 тыс. верст.

Для полнокровного существования парцеллярного кочевого хозяйства всегда были необходимы обширная естественно-природная территория и свободное, т.е. незаселенное, пространство. Основным средством производства кочевников являлась земля, к которой относятся пастбища и кочевья, пахотные земли, охотничьи территории и т.п. Казахи, сохранявшие кочевой образ жизни до 30-х годов XX века, вынуждены были кочевать в течение года на огромные расстояния. Беспрерывное кочевое передвижение было вызвано экономической необходимостью, обусловленной климатическими условиями и спецификой основного средства производства – скотоводства.

С XVIII в., после указа Анны Иоановны о протекторате, начинается изъятие пастбищных земель кочевников. Под изъятие попадали пастбищные земли, расположенные по берегам рек и озер, места зимовок, никем и никогда не оформленные де-юре, но де-факто закрепленные на основе традиционного права казахов. Неизвестный автор заметок о Казахской степи, написанных к началу 50-х годов XIX в., писал, что «...с глубины веков, по установившимся традициям, а это значит, что по понятиям казахов и фактическому владению, места зимовок принадлежат лицу, ...а также и скотопромышленникам...» (Материалы по казахскому обычному праву, 1948: 350).

По всей видимости, неизвестный автор был хорошо знаком с образом жизни и обустройством кочевого общества, когда пишет с «глубины веков». Действительно, согласно китайским летописям, относящимся к III–II вв. до н.э., у гуннов «у каждого есть отдельный участок земли» или «каждый имел отдельную полосу земли и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде». Эти сведения исследователи цитируют из трудов Бичурина (Материалы, 1955: 30). Они же приводят свидетельства более позднего времени о том, что «глава усуней Цылыми, носивший титул гуньмо, объявил, что «никто не смел пасти скот на его пастбищах» (Материалы, 1955: 30), т.е. все пастбища, все земли были закреплены за отдельными представителями родоплеменной верхушки, так как появление частной собственности на скот неминуемо приводит к возникновению частных владений на пастбища, считавшиеся ранее общинными.

В империи Чингиз-хана, с государством которого связывают расцвет номадизма, особенно четко выступают феодальные отношения, что проявляется в установлении монополии племенной верхушки на право распоряжения землей. В. Рубрук в своем «Путешествии в восточные страны» отмечал: «Всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весной и осенью» (Рубрук, 1955: 69). И эти отношения неминуемо продолжают сохраняться и развиваться в казахском кочевом социуме.

Но, несмотря на такое закрепление, внутри русского общества с XVIII века культивируется мысль, что если бы в Степи появились частные владения, то кочевание на огромные расстояния было бы практически невозможно. В рамках господствующей позиции в 1870 г. были опубликованы «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой орде силу закона», собранные по распоряжению Л. Баллюзека, начальника Оренбургского областного управления. В материалах красной нитью проходит точка зрения, что у казахов «по условиям их кочевого образа жизни и при ежедневной почти перемене мест кочевания, согласно потребностям их скотоводства, не могло быть и нет поземельной собственности» (Баллюзек, 1871: 45-167). Такое категоричное утверждение дореволюционных исследователей было сформировано под влиянием имперской политики русского государства.

Тем более что со второй четверти XVIII в. после принятия российского протектората господствующее положение в казахском обществе переходит к полуфеодалу-баю, а традиционная аристократия в лице султанов отходит на задний план. Именно среди родовой верхушки усиливается тенденция обособить в свое личное пользование наиболее благоприятные пастбища, которые, на фоне господства в степи захватного способа, могли быть заняты другими в любое время (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2342. Л. 1). Данный процесс ускорил развитие социальной дифференциации внутри казахских родов, стратификацию традиционной казахской общины.

Современная казахстанская историческая наука заявляет о том, что при изучении истории казахов она отошла от формационного подхода. Конечно, отказ от догм имперского и советского тоталитарного прошлого дал нам возможность исследовать определенные проблемы более открыто. В казахстанской историографии все еще сохраняет определенные позиции положение о том, что

казахский народ миновал стадию феодализма. Но отказ от формационного подхода не означает отказа от способа производства. Теоретики кочевого социума (Владимирцов, 1934; Потапов, 1954; Златкин, 1973; Krader, 1979) пришли к мнению, что в период расцвета кочевого общества владение пастбищами фактически принимает частнособственнический характер. На основе взглядов этих ученых и была принята Ташкентская резолюция специальной научной сессии о господстве феодализма в кочевом обществе казахов и существовании частной собственности на землю.

Земля, как субстанциональная основа жизнедеятельности человеческого сообщества, определяет основные контуры социальной и этнической организации, служит жизнеобеспечивающей силой. Те понятия, которые сформировались на европейском материале по вопросу отношения к земле, не совсем подходят к кочевому обществу, так как оно представляет другой тип культуры. Особенностью земельной собственности у казахов-кочевников было то, что она была замаскирована общинным землепользованием, так как кочевали они общинами и юридически земля не была закреплена за феодалами. Мы считаем, что нельзя отождествлять общинное землепользование и общинную собственность: общинное землепользование есть форма землепользования, а не собственность. Землей же фактически распоряжалась и владела родовая верхушка, в чьих руках находилась основная масса скота. Бийско-байской родовой верхушке при процессах формирования феодальной земельной собственности было удобно сохранение формального признания общинного землепользования на эти земли.

При исследовании хозяйственно-культурного комплекса кочевого казахского общества выясняется интересный момент: экономическая сторона вопроса о собственности отличается от собственности юридической. Понятие «собственность» составляют три полноценных компонента: право владения, право пользования и право распоряжения, причем «право распоряжения» представляется нам ключевым. Проработав законы Российской империи, мы отмечаем, что правительство постоянно держало под контролем вопросы землепользования казахов, о чем свидетельствуют законы и подзаконные акты того периода: «О состоянии дел в Оренбургской губернии» (1770 г.); «О не- продаже пустопорожних земель в Оренбургской губернии» (1770 г.); «О переселении киргиз-кайсаков из дальних степей во внутренность России» (1788 г.); «О переходе киргиз на внутреннюю сторону Урала» (1808 г.) (ПСЗ РИ) и т.д. То есть все эти нормативно-правовые акты касались пользования кочевниками-казахами тех или иных земель империи, но в основной своей массе, как пишут современники, «...неопределенность права по земельной собственности в казахском обществе представляет бездну недоразумений и замешательства» (ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 404. Л. 25). И среди множества документов мы не нашли даже упоминания о наличии собственности на землю у казахов. Законодатели предпочитали обойти вопросы собственности и, следуя позиции правящей верхушки, констатировать: земли, не отведенные казахам, «считать свободными». Также они подчеркивали, что экономическая категория собственности у кочевников продолжает оставаться явлением неопределенным. Но отсутствие законодательных актов, на наш взгляд, не означает, что частной собственности на пастбище как таковой не было.

Нам видится, что представителям царской администрации, как и дореволюционным российским исследователям, находившимся у нее на службе, было выгодно показывать неустойчивый характер поземельных отношений у казахов. Поэтому в «Материалах» экспедиции Щербины относительно Павлодарского уезда и отмечается, что процесс обособления еще не завершился: «здесь или совершенно нет границ между пастбищами, принадлежащими различным аулам, или эти границы настолько неопределенны, «нобай», как говорят киргизы, что выяснение их не представляется возможным» (МКЗ. Т. IV. 1903: 695).

В начале XX в. А. Кауфман отмечал существование захватного права, которое отождествляет с частной собственностью, но при этом данное право он признавал только за русскими крестьянами (Кауфман, 1897: 147). Его современник Л. Чермак, признавая наличие собственности на пастбища у кочевников, подчеркивает, что в некоторых случаях имеет место право захвата, а в других ситуациях закреплением пастбища может являться труд, приложенный к данному пастбищу. В большинстве случаев такое закрепление осуществлялось за счет строительства колодцев, то есть, соорудив такой колодец, кочевник фактически получал право на владение данной стоянкой, именуемой в казахском обычном праве «жүрт». Полученное таким образом право на стоянку распространялось и на пастбище – «өріс». Л. Чермак констатирует: «что одни и те же лица из года в год останавливаются на одних и тех же местах» (Чермак, 1908: 33).

Как долго казахи пользовались одними и теми же пастбищами, являясь фактически их владельцами? В «Материалах по казахскому обычному праву» написано: «Неотъемлемое право на одну и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь, когда в оной устроены повторные приюты для своего скота», т.е. достаточно хотя бы два раза перекочевывать на это стойбище (Материалы по казахскому обычному праву, 1948: 85).

Регулярное пользование зимовками родовой аристократией является подтверждением процессов закрепления их в собственности знати, т.е. если представители родовой знати в течение определенного времени пользовались одними и теми же зимовками, то такое кыстау становилось фактически его собственностью. При подобном обособлении на зимних и летних пастбищах стали

устанавливать «оба» – вкопанные в землю каменные метки, на которых порой выбивали тамги (родовой или личный знак) (Koshman, 2020: 1104). «Оба» либо другая его форма – «бәлік тас» – оберегались адатом и шариатом, за нарушение которого налагалось большое взыскание.

Захватное право землепользования было крайне выгодно аульной верхушке, т.к. это позволяло ей захватывать в свои руки общинные земли и распоряжаться ими. Исследователи дореволюционного кочевого хозяйства приходят к мнению, что «потребность в таком регулировании землепользования явилась только тогда, когда значительно сократились зимние кочевки и многие хозяйства начали ежегодно приходить на одно и то же место и проводить на нем несколько зимних месяцев» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 159. Л. 45-450б.).

Прерогатива распоряжения кочевьями относилась к сфере феодального права и расширялась в зависимости от того, какое количество кибиток (семей), составлявших общину, состояло под властью бия или батыра. Права же рядовых скотоводов в пользовании зимовками были весьма условны, т.к. они были зависимы от родоправителей, и бийско-байская верхушка, сконцентрировавшая в своих владениях скот, всемерно пользовалась захватным правом на лучшие пастбища (Razdykov et al., 2019: 127).

Можно отметить, что уже с середины XVIII в. знать усиливает попытки обособить наиболее благоприятные пастбища. Исследователи казахского общества вводят понятие «қоуін» как одно из доказательств принадлежности пастбища тому или иному аулу. Қоуін – это стоптанный за время стоянки помет, и если кочевники оставили на этом пастбище қоуін, то теперь они могли считать данную стоянку своей, имели право устроить здесь кош на следующую зиму. «По величине қоуіна можно судить о количестве на нем пасшегося скота, следовательно, можно приблизительно определить и пространство окружающих пастбищ, которые используются этим скотом (орыс), что в свою очередь определяет местности, где могут быть основаны новые стоянки без стеснения скота первого зимовщика и последующих» (Чермак, 1908: 35).

Свидетельство Л. Чермака относится к началу XX в. Но более поздние исследователи отмечают, что уже «во второй половине XVIII в. интенсивно шло освоение лучших зимовок феодалами» (Материалы, 1955: 123).

Основываясь на документах Российского государственного исторического архива, академик Л.П. Потапов в 50-е гг. XX в. приводит материалы о том, что за период с 1830 г. по 1845 г. ханом Джангиром «было выдано 1 517 документов на владение земельными участками. В результате из 7 млн десятин земли 4 570 тыс. перешло в исключительное распоряжение 20 привилегированных семей Букеевской орды» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 8. Л. 3, 5). В других регионах Казахской степи отмечаются факты, когда наиболее влиятельные бии и батыры, стоявшие во главе казахских общин, могли контролировать большие кочевые маршруты, что расширяло их возможности присвоения обширных и лучших пастбищ. Как крупные скотовладельцы, они были заинтересованы прежде всего в личных обширных пастбищах, чтобы обеспечить скот хорошими кормами на зиму.

При выявлении проблемы собственности нельзя обойти стороной и собственности на колодцы – кудуки. В безводной степи колодцы имели первостепенное значение. При строительстве кудуков выбиралось наиболее подходящее место, на которое указывали обычно знающие аксакалы. Глубина колодца зависела от того, насколько глубоко протекала вода. Яму выкапывали со скошенными краями, в большинстве случаев без боковых срубов, т.к. дерево в степи – вещь довольно редкая. Поэтому такое примитивное устройство кудука требовало ежегодного ухода, т.к. края обваливались, и колодец засорялся. Большинство колодцев в степи использовалось только для водопоя скота, вода в них чаще всего была соленой. Встречались также кудуки, стенки которых выкладывались камышом, закрепленным вбитыми в дно колодца кольями. Никто не имел права стать на чужой вопопой. Устройство любого колодца – это труд не одного человека. Поэтому факт строительства колодца, потраченный на него труд, создавал право на определенную территорию. Участники экспедиции по исследованию казахского землепользования констатируют, что «такое значение колодцев объясняется именно тем, что воду можно достать далеко не везде, почему наличие воды и создает право на землю. Право это довольно прочное и охраняется ревниво: не говоря уже о том, что посторонние не допускаются к водопоям данной группы» (МКЗ. Т. 4, 1903: 203).

В приведенном здесь материале о колодцах мы видим еще общественную собственность, т.е. собственность рода. Но не следует забывать установку правительства на отсутствие собственности у кочевников. Исследователь кочевого общества Н. Масанов, выделяя особое значение природно-климатических условий для развития скотоводства, приходит к выводу, что определяющим фактором в кочевом обществе является не скот и не земля, а наличие водных ресурсов. Ученый выделяет два типа кочевого скотоводческого хозяйства: естественное водопользование и искусственное водопользование. При этом исследователь считает первичным фактор водопользования, а частной собственности на скот он отводит второстепенную роль (Масанов, 1995: 385).

На наш взгляд, вода (либо колодец) относится к земле, и строительство колодца – это труд, приложенный к земле. Строительство колодцев требовало затрат большого количества человеческого труда, который бедняк осилить никак не мог. Формально каждый скотовод имел право на рытье колодца. Но для маломощного хозяйства с его мизерными доходами было практически невозможно

изыскать средства для устройства колодца. За право пользоваться колодцем беднота батрачила на баев-феодалов. Собственность на колодцы фактически делала баев владельцами пастбищ.

О жилищах казахов. Среди исследователей казахского традиционного общества утвердилось мнение о том, что казахи начинают строить постоянные дома только к середине XIX в. Надо отметить, что данная точка зрения имеет своих сторонников и в наше время. Но современные этнографические, и особенно археологические, материалы опровергают это утверждение. Так казахстанским археологом А. Бейсеновым проведена разведка кыстау (зимовки) Акпокы выдающегося мыслителя Абая Кунанбаева в Восточно-Казахстанской области. Исследователь считает, что зимовка-кыстак Абая была построена в 60-е гг. XIX в. на месте старого кузека (осенняя стоянка) его отца Кунанбая. И эта территория выделена Кунанбаем своему сыну, т.к. он владел территорией от местности Баканаса Байкошкара до Аркааяика индивидуально, т.е. на правах частной собственности (Бейсенов, 2020: 255-266). Появление таких кыстау и кузеу уже связано с частной собственностью, ибо они являлись очагами собственности на землю, о чем свидетельствуют вещественные знаки собственности в виде «оба» или «белік тас». Здесь же, на зимовках, казахи хоронили своих сородичей, что является еще одним фактом наличия собственности на землю.

Современники, описывая состояние казахского общества в середине XIX в., отмечали, что положение кочевников ухудшилось вследствие бесконтрольного и бессистемного изъятия земли под строительство крепостей и казачьих станиц, а казахи были «должны довольствоваться тем, что дается им из милости казаками» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 29. Л. 2-20б.; РГИА. Ф. 338. Оп. 2. Д. 639. Л. 321). Мотивировка столь «справедливого» решения была простой: «войско казачье ...приобретает важное пособие для службы» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2294. Л. 45-450б.). В связи с таким положением кочевников даже предлагалось принять определенные решения: «При разрешении поземельного вопроса правительству необходимо принять такую меру, которая, с одной стороны, удовлетворяла бы современным требованиям народа, не нарушая его быта, а с другой – соответствовала бы выгодам России» (Мейер, 1865: 137).

Нерешенность земельного вопроса вынуждала казахов откочевывать за пределы традиционных мест кочевания, искать более приемлемые условия для содержания скота либо менять кочевой образ жизни (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9378. Л. 11-12).

В первой четверти XIX в. с так называемой «неопределенностью» казахских земель практически было покончено. М.М. Сперанским был подготовлен «Устав о сибирских киргизах» от 22 июня 1822 года, который практически означал полное присоединение Среднего жуза к царской России и ознаменовал окончание периода политики правовой неопределенности его подданства (ПСЗ РИ-1. Т. 38. № 29127: 417-433). Устав, внося кардинальные изменения в политическое обустройство казахского общества, не решал экономических проблем. Что же касалось земли, то в нем только указано, что земельные участки «выделялись», «отводились». Казахам предоставлялось право «иметь недвижимую собственность», но данным правом наделялась лишь та часть казахского населения, которая изъявила желание заниматься земледелием. Эти земли и постройки на них «переходят в наследство как недвижимая собственность» (Крафт, 1898: 26).

Анализируя законодательство Российской империи, мы видим, что до середины XIX в. государственные органы не приняли ни законов, ни подзаконных актов, полностью регулировавших земельные отношения в Степи. Эта прерогатива находилась в руках местной колониальной администрации. Мы полностью согласны с академиком С. Зимановым, который пишет: «Не сразу были выработаны правительством основные направления политики в земельном вопросе в Казахстане. Решение его вначале было почти всецело предоставлено на усмотрение местных пограничных властей. Неудивительно, что вплоть до середины XIX века в различных частях степи проводилась различная, порою противоречивая политика в отношении земли» (Зиманов, 1960: 248).

В конце 60-х гг. XIX в. вся территория Казахской степи вошла в состав Российской империи. В 1867–1868 гг. принято «Временное положение», которое практически разрушило традиционную модель казахской политической системы. Под новую систему управления теперь нужно было подвести экономическую составляющую, о чем было декларировано в статье 210 «Положения»: «Земли, занимаемые киргизскими кочевьями, признаются государственными и предоставляются в общественное пользование киргизов» (ПСЗ РИ-2. Т. 43. № 46581: 545-548). Таким образом, вместо традиционного верховного собственника в лице хана у казахов появился другой – абсолютистское русское государство, которому также нужно было платить налог.

Принятие новых законодательных документов юридически лишало казахов собственной земли. Об этом писал лидер партии «Алаш» А. Букейханов: «Считая землю своей собственностью, приобретенной кровью отцов, киргизы, при вступлении в русское подданство, не подумали, что государство позволит себе посягнуть на частную собственность; между тем, русское правительство создало законы, по которым без всякой мотивировки, просто по праву сильного, все киргизские степи признаются государственной собственностью...» (Букейханов, 1903: 156).

Законодатель никоим образом не хотел признавать за кочевниками право частной собственности на землю, о чем свидетельствует «Степное положение», поставившее точку в данном вопросе. Оно гласит: «Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном

пользовании кочевников, на основании обычаев и правил сего положения» (ПСЗ РИ. Т. 11. № 7574: 133-147). Тем самым царское правительство вновь пыталось возродить и сохранить уже изжитое у казахов родоплеменное деление, приспособив его к административным целям. Земли предоставлялись казахам только на основе общинного пользования.

Основываясь на анализе законов Российской империи, мы пришли к выводу, что вплоть до начала XX в. царская администрация не рассматривала вопрос о собственности на землю у казахов. И только в 1907 г. на правительственном совещании о землеустройстве казахов подняли проблему введения частной собственности на казахские земли. Но все же официальные лица обошли понятие собственности, предложив понятие «пользование окончательное, т.е. не подвергаемое новым изъятиям». И то это касалось только той части земель казахов, которые переходили в категорию «оседлых». Причем законодатель сам себе противоречит, признавая, что «...отвод земли в собственность был бы во всех отношениях более желательным» (Совещание о землеустройстве, 1907: 145).

Поворотным в решении данной проблемы становится 1909 г., благодаря Столыпинскому «новому» курсу в переселенческой политике. Участники Совещания, в свете событий 1905 г., были вынуждены пересмотреть взгляды относительно частной собственности на землю. Время показало, что нельзя уже относиться к народам окраин как к «инородцам», вследствие чего законодатель согласился с необходимостью введения частной собственности для казахов, но опять-таки, переходящих к оседлости, на равных основаниях с переселенцами. Данное положение было закреплено Инструкцией, имевшей силу закона (Переселение и землеустройство, 1915: 6-8).

5. Заключение

Проанализировав законодательство Российской империи, мы можем констатировать тот факт, что вплоть до начала XX в. российское самодержавие занималось только регулированием землепользования казахов, изъявивших желание перейти к оседлому образу жизни, что, по мнению распространенного в русском обществе европейского просвещения, считалось прогрессом. А относительно земельной собственности у кочевых казахов правительство придерживалось политики невмешательства, признавая лишь общинно-родовое землевладение, что в исследуемый нами период было лишь фикцией.

Уже с середины XVIII в. родовая знать наращивает попытки обособить наиболее благоприятные угодья. Доказательством принадлежности пастбища является «қоуін», свидетельством монопольного владения богатого скотовода на пастбище является наличие «оба», «бөлік тасов» и других видов маркировки. Все эти факты подтверждают процессы разрушения общинного землепользования и появление частного землепользования через его переходные формы. Но установкой самодержавия было непризнание частной собственности у кочевников, и только в начале XX в. царское правительство вынуждено было де-юре закрепить процессы приватизации пастбищ под личное пользование, которые сохранялись и продолжались практически на всем протяжении истории казахского традиционного общества.

Литература

- Баллюзек, 1871 – Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской орде силу закона // ЗООРГО. Вып. 2. Оренбург, 1871. С. 45-167.
- Бейсенов, 2020 – Бейсенов А.З. Чингистау. Размышления у старой зимовки Абая / Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Сборник научных статей. Барнаул, 2020. 342 с.
- Букейханов, 1903 – Букейханов А. Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1903. С. 138-175.
- Валиханов, 1904 – Валиханов Ч.Ч. Аблай. Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. Том XXIX. СПб., 1904. С. 114.
- ГАОО – Государственный архив Омской области.
- Записки ИРГО – Записки Императорского русского географического общества. Вып. 2. Оренбург, 1872. 95 с.
- Зиманов, 1960 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII – первой половины XIX в. Алма-Ата, 1960. 296 с.
- Кауфман, 1897 – Кауфман А.А. Отчет старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации // Департамент гос. земель. имуществ. СПб., 1896–1897. 140 с.
- Крафт, 1898 – Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей / Сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт. Оренбург, 1898. 884 с.
- Левшин, 1832 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. 338 с.
- Масанов, 1995 – Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельностиномадного общества. Алматы; М., 1995. 735 с.
- Материалы, 1955 – Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период / Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1955. 590 с.

- Материалы по казахскому обычному праву, 1948** – Материалы по казахскому обычному праву: Сб. 1 / Акад. наук Казах. ССР. Алма-Ата, 1948. 350 с.
- Мейер, 1865** – Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Сост. Ген. штаба подполк. Л. Мейер. СПб., 1865. 386 с.
- МКЗ** – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Экспедицией по исследованию степных областей: МЗ и ГИ. Департамент государственных земельных имуществ. Т. 4: Семипалатинская область. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903. 695 с.
- Переселение и землеустройство, 1915** – Переселение и землеустройство в Азиатской России. Сборник законов и распоряжений // Сост. В.П. Воцинин / Под ред. Г.Ф. Чиркина. Петроград, 1915. 950 с.
- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской Империи. ПСЗ РИ-2. Т. 43. № 46581. Собрание 3-е: В 33 т. Т. 11. № 7574. СПб., 1891. С. 133-147.
- Путешествие через Сибирь, 1882** – Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. // *Записки ИРГО по отделению этнографии*. Т. X. Вып. I. СПб., 1882. С. 43.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рубрук, 1955** – Рубрук В., Карпини И. История Монголов / Путешествие в восточные страны. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911. 232 с.
- Рычков, 1762** – Рычков П. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 406 с.
- Совещание о землеустройстве киргиз, 1907** – Совещание о землеустройстве киргиз // Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907. 145 с.
- Толстов, 1934** – Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // *Известия Государственного академического института материальной культуры*. Вып. 103. М.; Л., 1934. 171 с.
- Хазанов, 2000** – Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир = Nomads and the outside world. 3-изд., доп. Алматы, 2000. 603 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦХАФ АК** – Центр хранения архивного фонда Алтайского края.
- Чермак, 1908** – Чермак Л. Формы киргизского землепользования // *Сибирские Вопросы*. СПб., 1908. № 23–24. С. 21–43.
- Koshman, 2020** – Koshman T.V., Khabdulina M.K. Antiquinities of the Kazakh steppes in trafel notes of the Russian researcher I.P. Shangin // *Bylye Gody*. 2020. 57 (3): 1101-1112.
- Razdykov et al., 2019** – Razdykov S., Abdrakhmanov B., Aitkenov Z., Battalov K., Shabambaeva A. The Appearance of Agrarian Property in the Nomadic Society in Central Asia in the 18th and the First Half of the 19th Centuries // *Space and Culture India*. 2019. 6 (5): 124-135.

References

- Ballyuzek, 1871** – Ballyuzek, L. (1871). Narodnye obychai, imevshie, a otchasti i nyne imeyushchie, v Maloi Kirgizskoi orde silu zakona [Folk customs that had, and partly still have, the force of law in the Small Kyrgyz Horde]. *ZOORGO*. Вып. 2. Orenburg. Pp. 45-167. [in Russian]
- Beisenov, 2020** – Beisenov, A.Z. (2020). Chingistau. Razmyshleniya u staroi zimovki Abaya [Chingistau. Reflections at the old winter quarters of Abai]. *Sokhraneniye i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya: Sbornik nauchnykh statei*. Barnaul, 342 p. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1903** – Bukeikhanov, A. (1903). Istoricheskie sud'by kirgizskogo kraya i kul'turnye ego uspekhi [Historical destinies of the Kyrgyz region and its cultural successes]. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashogo otechestva. SPb. Pp. 138-175. [in Russian]
- Chermak, 1908** – Chermak, L. (1908). Formy kirgizskogo zemlepol'zovaniya [Forms of Kyrgyz land use]. *Sibirskie Voprosy*. SPb., 23–24: 21-43. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [State Archive of the Omsk Region].
- Kaufman, 1897** – Kaufman, A.A. (1897). Otchet starshego proizvoditelya rabot Kaufmana po komandirovke v Turgaiskuyu oblast' dlya vyyasneniya voprosa o vozmozhnosti ee kolonizatsii [The report of the senior producer of Kaufman's works on a business trip to the Turgai region to clarify the question of the possibility of its colonization] Departament gos. zemel. imushchestv. SPb., 1896–1897. 140 p. [in Russian]
- Koshman, 2020** – Koshman, T.V., Khabdulina, M.K. (2020). Antiquinities of the Kazakh Steppes in Trafel Notes of the Russian Researcher I.P. Shangin. *Bylye Gody*. 57(3): 1101-1112.
- Kraft, 1898** – Kraft, I.I. (1898). Sbornik uzakoneniya o kirgizskikh stepnykh oblastei [Collection of laws on Kyrgyz steppe regions]. Sost. st. sovetnik Turg. obl. pravl. I.I. Kraft. Orenburg. 884 p. [in Russian]
- Levshin, 1832** – Levshin, A.I. (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaysak hordes and steppes]. SPb., 338 p. [in Russian]
- Masanov, 1995** – Masanov, N.E. (1995). Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva [Nomadic civilization of Kazakhs: fundamentals of nomadic society]. Алматы; М., 735 p. [in Russian]

[Materialy 1955](#) – Materialy Ob"edinennoi nauchnoi sessii, posvyashchennoi istorii Srednei Azii i Kazakhstana v dooktyabr'skii period [Materials of the Joint scientific session devoted to the history of Central Asia and Kazakhstan in the pre-October period]. Tashkent: Izd-vo Akad. nauk UzSSR, 1955. 590 p. [in Russian]

[Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu, 1948](#) – Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu [Materials on Kazakh customary law: Sat. 1]: Sb. 1. Akad. nauk Kazakh. SSR. Alma-Ata, 1948. 350 p. [in Russian]

[Meier, 1865](#) – *Meier, L.L.* (1865). Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [Kirghiz Steppe of the Orenburg Department]. Sost. Gen. shtaba podpolk. L. Meier. SPb., 386 p. [in Russian]

[MKZ](#) – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye Ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the Expedition for the Study of Steppe Regions]: MZ i GI. Departament gosudarstvennykh zemel'nykh imushchestv. T. 4: Semipalatinskaya oblast'. Pavlodarskii uезд. Voronezh, 1903. 695 p. [in Russian]

[Pereselenie i zemleustroistvo, 1915](#) – Pereselenie i zemleustroistvo v Aziatskoi Rossii. Sbornik zakonov i rasporyazhenii [Resettlement and land management in Asian Russia. Collection of laws and regulations]. Sost. V.P. Voshchinin. Pod red. G.F. Chirkina. Petrograd, 1915. 950 p. [in Russian]

[PSZ RI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. PSZ RI-2 T. 43. № 46581. Sobranie 3-e: V 33 t. T. 11 [The complete collection of laws of the Russian Empire. PSZ RI-2. Vol.43. No. 46581. Meeting 3rd: in 33 vol. t. 11]. № 7574. SPb., 1891. Pp. 133-147. [in Russian]

[Puteshestvie cherez Sibir', 1882](#) – Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 g. [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675]. *Zapiski IRGO po otdeleniyu etnografii*. T. Kh. Vyp. I. SPb., 1882. P. 43. [in Russian]

[Razdykov et al., 2019](#) – *Razdykov, S., Abdrakhmanov, B., Aitkenov, Z., Battalov, K., Shabambaeva, A.* (2019). The Appearance of Agrarian Property in the Nomadic Society in Central Asia in the 18th and the First Half of the 19th Centuries. *Space and Culture India*. 6 (5): 124-135.

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

[Rubruk, 1955](#) – *Rubruk, V., Karpini, I.* (1955). Istoriya Mongolov. Puteshestvie v vostochnye strany [History of the Mongols. Journey to the Eastern countries]. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 232 p. [in Russian]

[Rychkov, 1762](#) – *Rychkov, P.* (1762). Topografiya Orenburgskoi gubernii [Topography of Orenburg province]. Orenburg, 1887. 406 p. [in Russian]

[Soveshhanie o zemleustrojstve kirgiz, 1907](#) – Soveshhanie o zemleustrojstve kirgiz (1907) [Meeting on land management Kirghiz]. Zhurnal Soveshhaniya o zemleustrojstve kirgiz. SPb [in Russian]

[Tolstov, 1934](#) – *Tolstov, S.P.* (1934). Genezis feodalizma v kochevy`x skotovodcheskikh obshchestvax [The genesis of feudalism in nomadic pastoral societies]. *Izvestiya Gosudarstvennogo akademicheskogo instituta material'noi kul'tury*. 103: 171. Moscow-Leningrad. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[TsKhAF AK](#) – Tsentr khraneniya arkhivnogo fonda Altaiskogo kraja [Center for the storage of the archival fund of the Altai Krai].

[Valikhanov, 1904](#) – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1904). Ablai. Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Ablay. Collected works in 5 volumes]. Tom XXIX. SPb. P. 114. [in Russian]

[Xazanov, 2000](#) – *Xazanov A.M.* (2000). Kochevniki i vneshnij mir [Nomads and the outside world]. Almaty. [in Kazakh]

[Zapiski IRGO](#) – Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva (1872) [Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vyp. 2. Orenburg. [in Russian]

[Zimanov, 1960](#) – *Zimanov, S.Z.* (1960). Politicheskii stroi Kazakhstana kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX v. [The political system of Kazakhstan at the end of the 18th – the first half of the 19th centuries]. Alma-Ata, 296 p. [in Russian]

К вопросу о земельной собственности у кочевников-казахов в XVIII – первой половине XIX вв. и ее отражение в законодательстве Российской империи

Сакен Зейнуллович Раздыков ^{a, *}, Бауржан Нариманович Абдрахманов ^b, Анара Еркеновна Каримова ^b, Гульфира Елюбаевна Отепова ^b

^a Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

^b Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rasdikov@mail.ru (С.З. Раздыков), abdrakhmanov_bayr@mail.ru (Б.Н. Абдрахманов), akeo73@mail.ru (А.Е. Каримова), g.otepova.hist@mail.ru (Г.Е. Отепова)

Аннотация. В данной статье авторы исследовали истоки, причины и хронологические рамки зарождения частной собственности на пастбища у кочевых казахов. Проработав архивные источники, Полное собрание законов Российской империи, свидетельства современников и исследования ученых, авторы приходят к выводу, что эти процессы относятся к концу XVIII – началу XIX веков.

Вопросы землепользования и земельной собственности у казахов, занимавшихся кочевым скотоводством, были и остаются актуальными, т.к. эта проблема обусловлена особой ролью земли в кочевом обществе. Несмотря на полемику, начатую в 30-х гг. прошлого столетия, до середины 50-х гг. XX в. среди ученых не выработалось единого мнения по вопросу о характере, формах и праве феодальной собственности в Казахстане. В советской историографии господствовали два противоположных мнения: первое – еще со времен Караханидского государства (XI в.) в Казахстане существовало право феодальной поземельной собственности (С.В. Юшков, С.З. Зиманов, А.Е. Еренов и др). Вторая точка зрения – в условиях кочевого скотоводства основным средством производства был и оставался скот, а не земля..., не владение землей, а владение скотом являлось определяющим фактором эксплуатации (В.Ф. Шахматов, С.Е. Толыбеков и др.). Та либо иная позиция доминировала в различные периоды в истории, но ученые не пришли к единому мнению и вопрос остался не решенным в исторической литературе.

Общинное землепользование просуществовало в России вплоть до начала капитализма, но это не означает, что не было частного помещичьего землевладения. В некоторых азиатских странах общинное землепользование параллельно сосуществовало с государственной собственностью. Без сомнения, в Степи главной формой землепользования выступало общинное землепользование (аульное либо родовое), но наличие общинного землепользования не отрицает существования частной феодальной собственности на пастбища.

Ключевые слова: Степь, казахи, кочевники, кочевой образ жизни, землепользование, землевладение, частная собственность на землю, феодализм, собственность на колодцы, постоянные жилища.